

В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

А. С. Пушкин

1

В палате погасили верхний свет и зажгли три мрачных рефлектора. Руднев подвинул стул к дальней койке, но долго не садился. Он пристально смотрел на монитор, в котором распускались пестрые нити.

— Илья Сергеич, вы тут будете? — послышалось сзади.

Руднев обернулся. За дежурным столиком под горящим колпаком лампы работала сестра.

— Я выбегу ненадолго, можно?

Он кивнул, и медсестра вышла в коридор. Сквозь стеклянную стену Илья видел ее довольный профиль, следил, как она распустила волосы и, закусив шпильки, снова собрала их в ком. Оставшись один, Руднев тяжело опустился на стул, ссутулился до острых позвонков и принялся гладить руку ребенка, неподвижно лежащего под

простыней. Это был мальчик четырех лет с крохотным несчастным лицом.

Под стиснутыми веками Руднев видел истекший день и последнюю свою операцию.

Вот он включает наркозный аппарат, проверяет подачу кислорода. Маша раскладывает на столике катетер, переходники, ларингоскоп.

— Все собралась? — спрашивает Илья медсестру.

— Какую трубку готовить?

— И откуда мне знать? Ты видела пациента? И я нет.

Маша, юная и звонкая, с розовыми от волнения щеками, ждет еще и еще глубокого голоса врача. «Она молодец, — думает Илья. — Вечно молодец. За что гоняю?»

— Возьми пятый размер и четыре с половиной, — холодно говорит и уходит.

Вот он летит по коридору к шумному свету приемного отделения. Его встречают санитар и травматолог. И Заза — хирург. Лысый, страшно бровастый. Илья подходит к нему и протягивает руку.

Слышна сирена. Звуки все ближе. Раздается резкий хлопок отскочивших от каталки дверей. В приемное вваливается бригада скорой.

На носилках — ребенок. Он без сознания. Липкий пот на лбу, губы густо-синие. Руднев сжимает вялое запястье мальчика и чувствует, как от холода детского тела, от тишины его пульса внутри

него самого разгоняется сердечный бой и в голове, такой вдруг чистой, строятся мысли.

Ребенок хрипит, вдох его частый.

— Почему не интубировали? — спрашивает Илья, роняя голову мальчика набок.

— Так некому было! — отвечает фельдшер, щуплый, легкий парень с редкою бородкой. Кажется, не он гонит каталку, а каталка несет его за собой. Фельдшер торопится, теряет слова.

— Травма... живота. Кровит внутри. Давление...

— Давайте сразу на стол! Какая операционная готова? — спрашивает Заза.

— Везем в третью, — отвечает Руднев.

— Как угораздило?

— Сбили. На московской трассе.

— Что он там делал? — Заза глядит на фельдшера из-под недобро сошедшихся бровей.

Бородка у парня дергается.

— А мне откуда знать?

Колеса скользят с металлическим шелестом.

— Как зовут? — спрашивает Илья после всеобщего молчания.

— Чего докапываетесь? Мы привезли — вы разбирайтесь.

Заза теснит Руднева плечом:

— Илюх, на твоего похож, да?

Каталка заезжает в лифт. Заза поворачивается к фельдшеру и говорит через смыкающиеся двери:

— У него такой же был. Один в один.

Лифт тянет каталку на второй этаж.

Илья в маске. Пациент переложен на операционный стол. Звуки аппаратные: туи-туи. Маша цепляет датчики ЭКГ и сатурации, трещит упаковкой интубационной трубки.

Илья наклоняется с ларингоскопом над запрокинутым детским лицом. Волосы золотые — пух. Глазки под веками, знает Илья точно, — сизые.

— Широко.

Маша дает меньшую трубку. Слитый с анестетиком кислород заполняет легкие.

Сестра лаборатории ждет, когда Руднев поставит центральный катетер. Илья с иглою висит над ключицей ребенка. Сестра семенит к нему, забирает шприц с кровью.

Входят хирурги — несут перед собой руки. Заза и с ним второй, толстяк с физиономией, стянутой маской, и воспаленным увесистым лбом.

— Можете, — говорит Илья неподвижным голосом и фиксирует интубационную трубку.

Особенно тихо. Туи-туи. Заза делает долгий разрез. Из брюшины через сечение потоком прорывается скопившаяся кровь. Кожа, белая, как просветы среди ветвей, тонет под бурым и красным. Кровь стекает по простыням, льется на пол. Кисло пахнет рваной кишкой. Маша кидается помогать. Звенит лотками санитарка. Лотки полны скользких сгустков. Заза держит руку внутри пациента. Он нашел источник кровотечения, он тащит селезенку.

— Четвертая отрицательная, — объявляет сестра, щелкая дверью. — Четвертая отрицательная!

— Что по банку?

Не было, помнит Руднев.

— Нету у нас! — говорит сестра.

— Запрашивай со станции. Реинфузия невозможна. Шестьсот миллилитров, — прочным тоном говорит Илья.

Его стерильный взгляд сторожит приборы. Строчит нить пульса. Давление такое, что кардиотоники не выручают. Мальчик ухудшается.

Руднев смотрит на время. В голове его вертится очевидное: ни в трепете лезвий, ни в препаратах, бегущих по венам, без четвертой отрицательной спасения нет.

Заза работает в ровном темпе: грубо оттаскивает, фиксирует, берет новый скальпель. Маска ходит от дыхания, очки сползают с крутой переносицы. Второй хирург пыхтит рядом. От напряжения он уже пунцовый, как говяжий ломоть на углях.

Привезли кровь. В ярком свете она кажется темным маслом. Илья начинает переливание, кровь заполняет гибкие трубки.

— А ты лещей на что брал? — спрашивает Заза.

— Главное — не на что, а где! — отвечает второй хирург.

— Этого ты мне точно не скажешь.

Маша улыбается под маской. Она знает: когда хирурги шутят — дело идет гладко.

— Бедный, бедный! Где мать была? — будто получив разрешение, стрекочет санитарка.

А Руднев, он молча глядит на ребенка. Следует за ним по пятам. И все дальше влечет Илью в теплый сон. Нет гадкого запаха анестетика, нет многоглазой операционной лампы, вместо нее — низкое солнце. И мальчик с удочкой на плече весело идет под тем солнцем. Вдалеке, над полем растекается озеро. Вода слепит, и малыш морщится. Он оборачивается. В пушистом контуре горящих волос Руднев видит радостный детский лик. «Туи-туи, папа. Туи-туи!» — говорит мальчик.

— Илья Сергеич!

Руднев открыл глаза. Он сидел в палате интенсивной терапии, сжимая крохотную руку пациента. Рядом с ним стояла Маша.

— Еле вас дотолкалась! Там в ординаторской чепэ.

— Ну что стряслось? Опять пакетик чая до урны не донесла?

— Окно взорвалось. Илья Сергеич! Я сидела, и вдруг бац! — шептала Маша со страхом.

От слов ее пахло кофе.

— Да нет, не взорвалось. — Руднев вошел в ординаторскую и присел на корточки, увидел что-то. — Разбили!

Он взвесил на ладони камень, который вытащил из-под стола. Таким и убить можно. Придавил им стопку медкарт на столе. Потом перевел

взгляд во двор. У кирпичного забора между матовых от тумана машин рыскала худая собака. Она подбежала к человеку, курящему у черного входа. Человек через затылку перенес сигарету в левую руку и потрепал мокрую холку пса.

— Ну что там? — спросила Маша из-за плеча, нежно касаясь поясницы Руднева.

— Там? Живо дер бычки о щенка тушит.

— Ой, что?!

Сестра поднялась на носки и увидела во дворе Зазу, ласкающего дворнягу. Пес радостно ходил пружинкой, то припадая к ноге врача, то зависая на задних лапах под его доброй рукой. Маша улыбалась. И Руднев видел ее улыбку в дwoящемся отражении черного окна. Он развернулся, и Маша, оказавшаяся наконец так тесно к нему, ловко поймала его взгляд. Но Илья глядел безучастно и твердо. Он скрестил на груди руки, посмотрел опять в бледно-карие глаза медсестры, беспомощные и мягкие, как вишня, выловленная из компота. Маша опустила их и прожевала улыбку.

— Поспи, если хочешь.

Она замотала головой:

— Как-то страшно теперь.

— Не бойся. Хулиганы какие-то. Наверное, сами испугались.

Этих слов ей не хватило.

— Весь день сегодня какой-то странный, — сказала Маша после паузы. — И вы... Я хотела

спросить... Вы из-за того мальчика грустный такой?

— Родители не объявлялись?

— Нет, не было никого.

— Это даже смешно. У меня дома, на балконе, тоже выбито окно, — сказал Руднев. — Все не соберу вставить.

Он отклонился и заглянул через плечо. Увидел первые голубоватые отблески на влажном асфальте. С крыш и деревьев сыпались капли. У крыльца сидел одинокий пес и смотрел на запертую дверь.

К восьми утра, когда Илья уже был одет в гражданское и готовился уходить, в ординаторскую вкатился маленький, но очень грузный полицейский. Не поздоровавшись, он сел к столу.

— Вы к кому?

Полицейский покрутил огромной головой.

— Я подожду здесь. Ты занимайся... Есть вода?

Руднев поднес стакан воды. Полицейский жадно выпил. На тугой в груди, несвежей рубашке расплозлось мокрое пятно.

— Вы к кому? — повторил вопрос Илья.

— Врача жду.

— Я врач.

— Ах ты! Так что молчишь? Садись, разговор есть.

Руднев сел напротив и попытался заглянуть в обрюзгшее лицо гостя. Полицейский разложил папку, достал оттуда анкетные листы.

— Капитан Бырдин, — представился гость. — Ребенок поступал?

— Поступал.

— После аварии?

— После аварии.

— Так... Мне нужна его фотография.

— Он в реанимации, на аппарате искусственной вентиляции легких.

— А нельзя на минуту отключить эти ваши свистелки-перделки?

— Нельзя.

Бесцветными глазами капитан обвел комнату.

— А что с окном?

— Разбито.

— А нельзя заткнуть чем-то? В спину дует.

— Заткните, — ответил Руднев, подумав, что громадная голова полицейского как нельзя лучше подошла бы для этого дела.

— А ты чего такой?

— Какой?

Капитан Бырдин еще больше приплюснулся. Он надул шею и сделал такой взгляд, будто в эту секунду придумывал для непокорных новые пытки. Рудневу играть в гляделки быстро надоело, и он поднялся из-за стола.

— Имя, фамилия, отчество! — опомнился полицейский.

— Илья Руднев Сергеевич.

Капитан записал в том же порядке.

— Возраст.

— Тридцать пять лет.

Он отложил ручку, смял лист. Достал новую форму.

— Давай заново. Ф. И. О. и возраст *ребенка*.

— Это вы у меня спрашиваете?

— А у кого ж?

— Я не знаю.

— Почему до сих пор не выяснил? — спросил капитан совершенно серьезно.

— Занят был, — ответил Руднев.

Полицейский постучал ручкой по столу.

— Так иди и выясни!

— Как прикажете, — кивнул Руднев и ушел.

Он вышел из больницы под мыльное небо и подумал, что скоро снова польет дождь и голова опять разболится от недосыпа. Вокруг него было привычное утро: исхоженные тропинки, линия каменных корпусов и тополя больничного сквера.

Оранжевый дворник сметал лужу. Из его кармана, раскалывая телефонный динамик, звучал восточный мотив. Дворник попросил закурить. Руднев развел руками.

2

Илья поднялся в пятом часу. Снов он не видел. Открыл глаза — а день уже к закату.

В окно с улицы тянуло влагой. От дождя, что ли, так?.. Он потер виски. Отдых не дал ему ничего — только плечо отлежал. Все та же усталость, головная боль.

Илья собрал сумку, решив ехать в деревню и побыть денек на воздухе. Деревня стояла километрах в тридцати и у городских последние годы была популярна. Люди скупали участки, обносили их двухметровыми стенами из профнастила, а потом ездили в эти ящики отдыхать. Руднев на краю той деревни имел бревенчатый дом, из которого сам был родом и который остался ему от отца.

Он слез с автобуса и пошел по грязной вытоптанной траве. Глядел только под ноги. Ботинки

мигом промокли и потемнели. А когда тропинка увела его сквозь ушко тугого пролеска, Руднев не видел уже и ботинок — так стало черно. Свет фонарей не дотягивал, а луна была скрыта тучей. Но и в темноте он хорошо знал короткий путь до отцовского дома. И чем глубже он уходил, тем слаще пах воздух, и все ближе подбиралось неизменно знакомое ощущение нежной тоски. В сумке позвякивали две бутылки вина, и от случайного звона он замедлял шаг. Илья старался идти плавней, как черный призрак в черной чаще, благородный в своей попытке быть незаметным.

Он выбрался из пролеска, и впереди опять показался влажный блеск фонаря. Вместо тех изб и тех дворов, среди которых гулял он в детстве, стояли заборы, за заборами виднелись темные крыши. Улицу залили асфальтом, слепили пластиковый магазин. Дома стояли пустые. Все это были дачи, оживающие к выходным редкими сытыми голосами и лаем домашних псов. За дачами стоял его дом. Он прятался в сирени и озирался на дорогу двумя окнами спальни. Руднев представлял, как хрустнет петля калитки, как сомнутся под ним мокрые ступени крыльца и ключ в замке повернется с тугим масляным стоном. Он отворит дверь и войдет в зеленую темноту. А потом, скинув с плеча сумку, зажжет на веранде плафон, полный шелухи мертвых мотыльков.